

страх, а также неизбежное бремя нищеты и забот. Я признаю, что его можно несколько облегчить, однако настаиваю, что полностью устранить этот страх невозможно. Конечно, если установить, чтобы ни у кого не было земли свыше назначенной нормы, и если у каждого сумма денег будет определена законом, если какие-нибудь законы будут остерегать короля от чрезмерной власти, а народ от чрезмерной дерзости; чтобы должности не выпрашивались, чтобы не давались они за мзду, чтобы не надо было непременно за них платить, иначе найдется повод возместить эти деньги обманом и грабежами, явится необходимость исполнять эти обязанности людям богатым, меж тем как гораздо лучше управлялись бы с ними люди умные. Такие, говорю, законы могут облегчить и смягчить эти беды, подобно тому как постоянными припарками обыкновенно подкрепляют немощное тело безнадежно больного. Однако, пока есть у каждого своя собственность, нет вовсе никакой надежды излечиться и воротить свое здоровье. И пока ты печешься о благополучии одной части тела, ты растравляешь рану в других. Так попеременно из лечения одного рождается болезнь другого, оттого что ничего невозможно прибавить одному, не отняв этого же у другого".

"А мне, – говорю, – кажется, напротив: никогда не будет возможно жить благополучно там, где все общее. Ибо как получится всего вдоволь, если каждый станет увертываться от труда? Ведь у него нет расчета на собственную выгоду, а уверенность в чужом усердии делает его ленивым. А когда будет подстрекать нужда и никакой закон не сможет оборонить того, что добыл себе каждый, не станут ли люди неизбежно страдать от постоянных убийств и мятежей? Особенно, если уничтожены будут власть должностных лиц и почтение к ним; станут ли с этим считаться те люди, для которых ни в чем нет никакой разницы, – этого я не могу себе даже представить". – "Меня не удивляет, говорит он, – что тебе так кажется, ибо ты не представляешь себе дела или же представляешь его ошибочно. Вот если бы ты побывал со мной в Утопии и увидел, будучи там, их нравы и установления, как это сделал я, который прожил там более пяти лет и никогда не пожелал бы отсюда уехать, если бы не захотел рассказать об этом новом мире, ты бы, конечно, признал, что нигде больше не видал ты никогда народа, который имеет столь правильные устои". "Конечно, – говорит Петр Эгидий, – тебе трудно будет убедить меня в том, что народ с лучшими устоями находится в новом мире, а не в этом, который нам известен. Ведь и в нем умы не хуже, и государства, думаю, древнее, чем в том мире, и долгий опыт научил нас многим удобствам в жизни; не стану упоминать о некоторых наших случайных находках, для измышления которых не могло бы достать никакого ума".

"Что касается древности их государств, – говорит Рафаэль, – то ты рассудил бы правильнее, если бы прочитал историю их мира. Если должно ей верить, то города у них существовали еще до того, как у нас появились люди. Далее, то, что до сих пор изобрел человеческий ум или же что нашли случайно, могло появиться и там, и здесь. Впрочем, я определенно полагаю, что умом мы их превосходим, однако усердием и рвением своим они оставляют нас далеко позади себя. Ибо, как говорят их хроники, до того, как мы туда причалили, они никогда ничего не слыхали о наших делах. Зовут они нас "живущими по ту сторону равенства". Хотя некогда, более тысячи двухсот лет назад у острова Утопия погиб от кораблекрушения какой-то корабль, который занесло туда бурей. На берег были выброшены какие-то римляне, а также египтяне, которые после никогда отсюда не ушли. Посмотри, сколь удачно воспользовалось этим случаем рвение утопийцев! В Римской империи не оказалось ничего, в чем могла быть для них какая-нибудь польза и чему бы они не выучились от выброшенных к ним чужестранцев. Или же, получив лишь намек для разыскания, открывали они все сами, столь благодетельным оказалось для них то, что однажды к ним от нас попало несколько человек. Если же ранее какой-нибудь подобный случай пригонял кого-нибудь оттуда сюда, то это забылось, как замятуют, вероятно, потомки и то, что я был там когда-то. И насколько они тотчас, после одной лишь встречи, усвоили все, что мы ловко придумали, настолько, полагаю я, долго еще мы не перейдем тех установлений, которые лучше наших. Думаю, что для этого главным образом существует одна причина: то, что, хотя ни ум, ни средства у нас не хуже, чем у них, государство их, однако, управляется разумнее нашего и процветает весьма счастливо". <...>

Вы уже видите, насколько нет там никакой возможности для безделья, никакого предлога для лени, нет ни одной винной лавки, ни одной пивной, где нет лупанара. Никакого повода для подкупа, ни одного притона, ни одного тайного места для встреч, но пребывание на виду у всех создает необходимость заниматься привычным трудом или же благопристойно отдыхать.

Из этого обыкновения необходимо следует у этого народа изобилие во всем. И оттого, что